

Анатолий Агарков

Не прошедшие горнило

*Если душа родилась
крылатой —
Что ей хоромы —
и что ей хаты!*

/М. Цветаева/

Анатолий Агарков
Не прошедшие горнило

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30481577
ISBN 9785449056740*

Аннотация

Как завести семью, как сохранить семью – на все воля Божья. А мы думаем – наша, и ломаем копья, дырявя судьбы. В итоге страдают дети.

Содержание

1	5
2	33
3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Не прошедшие горнило

Анатолий Агарков

*Если душа родилась крылатой —
Что ей хоромы – и что ей хаты!
/М. Цветаева/*

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-5674-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Отгуляли новогодние каникулы, и я поехал устраиваться на работу. Посмотрим, на сколько будет гостеприимен арматурно-изоляторный завод? С проходной позвонил Площнику, но трубку никто не взял. Тогда позвонил в отдел кадров и сказал, что хочу устроиться на работу. Получил разрешение оформить пропуск.

В отделе кадров посмотрели мои документы.

– Где и кем вы хотите работать?

– Николай Семенович Площик приглашал мастером на участок станков с ЧПУ в инструментальный цех.

– Вакансия есть. Можем оформить, или вы будете ждать Площика?

– А что его ждать? Оформляйте.

Я написал заявление на имя Генерального директора, мне уже выдали направление на оформление постоянного пропуска, и тут появился озабоченный Площик.

– Извините, Николай Семенович, я звонил вам – никто не ответил. Чтобы времени не терять, пошел в отдел кадров. Пропуск получу, и я уже ваш.

Вихри враждебные и темные силы вдруг отразились на щекастом лице заместителя Генерального директора по кадрам:

– Извини, старик, тут не все ясно. Немножечко ты пото-

ропился. Этот вопрос мне придется утрясти с Генеральным директором.

– А в чем собственно дело?

– Твои друзья из райкома звонили. Секретарь заводского комитета партии категорически против приема тебя на работу.

– Его-то корова чего замычала?

– Ну, ты так не говори... чревато.

Начинается! Ситуация стала похожа на кошмарный сон. И что теперь делать?

Неожиданно окатила волна странной эйфории. Железные щупальца партии! Они настигнут везде и раздавят. «Так тебе и надо! – это я про себя. – Нашел с кем тягаться! А ведь предупреждали же идиота, что и на луне достанут».

– Почему вы мне ничего не сказали? Мне теперь вас тоже считать своим врагом?

– Сядь и успокойся. Я как раз на твоей стороне. Но секретарь парткома это фигура. Я могу тебя сам принять, но наживу могучего врага – оно мне надо? Поэтому мы сейчас неспеша пойдем к Владимиру Петровичу, и Осипов все решит. Ему-то похеру ваш райком... вместе с нашим парткомом. Так что не кипятись – просто чуть-чуть потерпи, и все будет, как мы хотим. Директора сейчас нет, но он с минуты на минуту подъедет. Мне сразу позвонят, как он подъедет, и мы с тобой всех опередим. Пошли со мной.

Он привел меня в свой кабинет. Усадил на стул, налил

кипятка в чашку с пакетиком, сам уселся в кресло за стол и улыбнулся:

– Я призываю тебя не пороть горячку и не делать поспешных выводов.

– Наверное вы правы, – я глотнул чаю. – Но очень хотелось бы знать, как далеко достают щупальца партии.

Площик задумчиво покачивался в кресле.

– Ответ на этот вопрос даст нам Осипов.

– Если он мне откажет, значит старая гвардия КПСС по-прежнему всесильна – по фигу ей все перестройки.

– Можно сказать и так.

Я допил свой чай, поставил чашку на полочку.

– О чем молчишь? – спросил Площик.

– Думаю, куда податься, если не на АИЗ.

– Какие варианты?

– Полно по стране-то, но колодой на шее висит семья. Жена у меня очень уж неподъемная.

– Женщины, как кошки, к уюту привыкшие, – сказал Площик, и тут зазвонил телефон.

– Понял, спасибо, иду, – сказал он в трубку и мне. – Пойдем.

В приемной секретаря не было.

– Посиди, – буркнул Площик мне и вошел в кабинет Генерального директора, не прикрыв дверь.

Я присел и вдруг понял, что мне не хочется уходить с завода несолоно хлебавши. Уйти сейчас означало согнуться под

давлением райкома. Мысль об этом наполняла тревожным ощущением душу.

Дверь Площик не закрыл с надеждой, что «Осипов В. П.» захочет взглянуть на меня, но тот не спешил лицезреть конфликтную личность, а спросил....

Я вдруг понял, что в открытую дверь очень слышимо доносятся голоса – прислушался и вот что услышал.

... – Понимаете, Владимир Петрович, очень настойчиво звонили из райкома Увельского, из горкома нашего, заводской партком на ушах... как бы чего не огрести...

– Мы кого принимаем на работу – партийного деятеля или инженера?

– Инженера.

– К нему, как к инженеру, есть претензии?

– Нету.

– Ну, так принимайте и не порите чепухи.

Вопрос решился, но Площик вышел совсем нерадостный.

Я это так понял – он бы очень хотел, чтобы Осипов мне отдал. Тогда бы его совесть была чиста передо мной, и волки партийные на него не щелкали зубами. Генеральному что – принял и забыл; он в Москву в министерства летает. А Площик, он по грешной уральской земле ногами ступает, ему партийные комы, ох как на тропке узенькой не нужны.

Я пытался поймать его бегающий взгляд. Хотел ему сказать, что не надо себе врать – всем угодить не получится. Но промолчал. А он сказал:

– Все слышал? Иди, оформляйся.

Слава Богу, я буду работать в цехе, где всему голова производственный план, и все разговоры о делах, а общество чиновников-задолизов – кошмарное прошлое. Чем дальше от Белых Домов и контор, тем меньше опасности эмоциональному здоровью. В конце концов, будем считать мой послужной список пополнился опытом работы в партийном аппарате и пойдем дальше.

На новый период жизни у меня будут совершенно другие планы. А пока приходится констатировать, что тридцать два года жизни потрачено хоть не напрасно (два высших образования, опыт работы в Белом Доме, в газете и на заводе), но впустую – нет ни квартиры, ни машины, ни дачи, то есть ни одного из атрибутов социального успеха. Семья, слава Богу, есть, но качается и вот-вот рухнет. Так что, пора браться за ум и наверстывать свой, как говорит Тома, социум.

Выйдя из приемной директора, я облегченно вздохнул – все волнения и переживания унеслись прочь. Кризис миновал. Я попытался проанализировать его истоки.

Кто-то из райкома, вернее всего Мозжерин, как его официальная совесть, звонил на завод, а точнее в партком и еще в горком партии, который тоже продублировал его просьбу – не принимать меня на работу, как открытого врага партии.

Конечно же, Осипов чихать на них хотел, но судьба моя висела на волоске. И что-то будет еще, коли заводской партийный комитет коммунистов встречает в штыки – не стоит

ждать от него благородства, а надо смотреть правде в лицо. Что они еще могут предпринять? – пока трудно понять. Но я обязательно, когда представится возможность, выражу свою исключительную «благодарность» истинным ленинцам Южноуральского арматурно-изоляторного завода – решительно, хотя в пределах цензуры. Типа, да будьте вы прокляты, упыри с вурдалаками!

Впрочем, сильно забегаю вперед. Скорее всего партократы завода по своим связям постараются доказать, что ко всем моим недостаткам следует отнести еще один – что я плохой инженер. Стоит задуматься, как тут быть. Знаю только, что трепетать в их присутствии я не буду. Но и на рожон не стоит лезть, ведь существует разница между боязнью и благоразумным поведением. Хотя, наверное, по информации райкома мое поведение более смахивает на проделки.

Мысль о том, что начинать карьеру на АИЗе приходится не с нуля, а из минусов, была безмерно грустной. То, что будет происходить со мною на заводе, никакого отношения не имеет ни к планам партии, ни к планам народа. Эта работа существует только для меня. И я никогда не забуду сегодняшнего дня – не важно, сколько я проживу еще, или куда забросит меня судьба.

Мне очень бы хотелось остаться наедине с собой, чтобы разобраться со всеми чувствами и выработать линию поведения. Нужно детально все продумать прежде, чем идти в цех. Но в цех тоже идти надо: идет мое рабочее время.

Олег Молчанов был одет, как и подобает начальнику цеха, в костюм и рубашку с галстуком. Прочистив горло, он пожал мне руку. Олег, только что ставший моим начальником, был моих лет или даже моложе.

– Вам уже приходилось быть сменным мастером? Значит, ничего нового для вас нет в этой работе. Спуститесь в кабинет мастеров – старший мастер Монастырников познакомит вас с людьми и цехом.

За другим столом в кабинете начальника сидел его отец – Владимир Иванович Молчанов, заместитель начальника цеха. Похоже, кабинета у него своего не было, и он обитал в апартаментах сына. Кажется, он был в курсе моих тренировок с парткомом и подозрительно на меня косился. Впрочем, может быть, это мнительность.

– Цех неплохой, а люди золото, – бросил он реплику со своего места.

Монастырников провел меня по всему цеху – по всем участкам от станка к станку.

Цех по параметрам Станкомаша был миниатюрным. Станков полно, а людей раз-два и обчелся. Целая группа шлифовальных станков и работает только один шлифовщик. Несколько универсальных токарных станков, и только два в работе. Несколько вертикальных станков – фрезерный, сверлильный, долбежный. Парочка токарно-копировальных. Два новых токарных станка – с программно-числовым управлением. Возле них токарь-оператор и два его уче-

ника – практиканты с ПТУ. Термический участок для отжига и отпуска металлов. Отдельное помещение для огромного карусельно-токарного станка с ЧПУ – но он еще в стадии наладки. Бригада слесарей-лекальщиков, изготавливающих ручной мерительный инструмент. Вот и все.

Почти все работают с личным клеймом качества. Зачем им нужны мастера? – вместе со мной и Монастырниковым целых четыре штуки – вопрос на засыпку.

Впрочем, мастер Лариса мне тотчас сказала:

– Принимай от меня шлифовщиков.

Николай Иванович, другой сменный мастер, свалил на меня всех токарей.

Но и после этого, кроме как раз в месяц заставить всех подопечных расписаться в журнале по технике безопасности и вести на них календарь рабочих смен, занять себя было нечем – настолько было производство отлажено.

Начал искать себе работу, ибо сидеть в мастерской с умным видом и ничего не делать было мне не под силу. Познакомился с токарем оператором станков с ЧПУ – Синицыным Борей. Научился запускать и управлять станком, сломав пару-тройку резцов. Операция была одна, операция была несложная – токарный станок с ЧПУ ереванского производства выдавал всегда одну и ту же деталь. Это была стальная бобышка, которая использовалась при литье арматуры изолятора. Норма времени на ее производство меньше трех минут, включая установку и снятие. Бобышек этих заказывали

вали несколько сотен штук на месяц. Отдача от армянских подарков – ноль целых хрен десятых.

Обучаться шлифовальному и универсально-токарному делу нет возможности – все рабочие сдельщики и дорожат каждой свободной минутой. Они работают ровно столько, сколько есть заготовок – смену, две, три, а потом не появляются в цехе до следующего подвоза. Праздношатающихся нет. Лекальщиком надо родиться. Скоро из всего персонала цеха осталась только технолог Юля, готовая со мной работать в плане повышения моего технического образования.

Незамужняя дева читала мне основы числового программирования. Действительно, что-то похожее было в институтской программе. Но Юля, забив мне голову теорией, абсолютно не касалась практики – а зачем что-то учить, если не знаешь, куда применить?

Предложил ей в качестве практики отладить и запустить карусельный станок.

– Его и Олег Молчанов включать не решается – куда нам-то лезть? – был ответ.

Ждем специалистов по станкам с ЧПУ.

Как-то заспорили с ней, и я обиделся:

– Я старшим технологом цеха был и следил, чтобы у исполнителей на операции были синьки правильные. Ты следишь?

Пошел к токарям-универсалам, проверил эскизы на операции – та же фигня! – одна стыковочная деталь в Системе

Вала, другая в Системе Отверстия. Что попало, то и поставили.

Юля обиделась:

– Не я их рисую.

– А кто?

Отправился в техбюро инструментального производства. Стал разглагольствовать о системах допусков – где и какая применяется. Посмотрели на меня, как новые ворота на ба-рана. Ушел со стыдом и больше не появлялся.

Нет, цех был прекрасный – грех что-то хаять. Особенно люди – прав Молчанов-старший – просто золото. И производство все отлажено – Владимир Иванович в него душу вложил и сыну уступил, когда тот институт закончил.

Хорошо здесь оформлены были недолгие часы перерыва – комната отдыха (шахматы, шашки, домино), стол бильярд-ный. Я очень быстро стал чемпионом цеха по шахматам и хо-рошего напарника подобрал для игры в бильярд – русскую пирамидку.

Но час потехи скоро заканчивался и делу время – тяготи-ло.

Присмотревшись к токарно-копировальным станкам, я таки нашел себе занятие.

Настроены они были тоже на одну операцию – вытачивали из ковкого чугуна формы для отливки изоляторов. Работал на них Боря Синицын со своими учениками – все они были на окладе, причем токарь-оператор на приличном. Привози-

ли заготовки очень часто к концу смены, и начиналась буза. Ни Сеницыну, ни оболтусам его не хотелось браться за работу в конце смены – на автобус опоздаешь и топай пешком через весь город. Начинались трения – они рвутся домой, я стою у них на пути: сначала дело. Потом нашли способ, как разрешить проблему.

Я с Борей поговорил, Сеницын меня подучил – дал аттестацию на мой допуск к работе с токарно-копировальными станками. Звучит конечно не комильфо – мастеру дает аттестацию токарь-оператор. Но этот документ позволил мне заключить трудовое соглашение с администрацией цеха на выполнение работ на токарно-копировальных станках. Ввели расценки на операцию, и погнали....

День я работал сменным мастером, а во вторую смену передевался в токари. Там, где мальчишки трудились вдвоем под руководством Бори Сеницына, я работал один сразу на двух станках. Впрочем, щупом по копиру и резцом по болванке станки, слава Богу, трудились сами. Моя задача весьма проста – поставил заготовку, снял деталь.

Приезжал домой после полуночи. Подъем уже в шесть часов. Уставал, конечно, но все ничего, если бы не теща. Она вдруг обнаружила у дочери растущий животик, и появилась у нее новая мания по пьяному делу – сидит в коридоре у нашей двери, стучит в нее каблуком туфли и вопит:

– Томка-дура, сделай аборт – не хочу от него ребенка!

Тома рядом со мною лежит и не спит, держит за руку ме-

ня и уговаривает – перетерпеть, не вмешиваясь. А эта ко-
сая карга из отведенных мне распорядком дня пяти часов
сна умудрялась отобрать еще половину. Как можно дальше
жить?

Организм мой поплыл. Я засыпал в автобусе, возвращаясь
с работы. Возвращался пешком из города, если кондукторша
не будила, и я делал круг. Злость копилась вместе с устало-
стью. Я понимал – рано или поздно быть катастрофе. Поче-
му этого Тома не понимала, не знаю.

Под катастрофой имею ввиду не гибель Земли и цивили-
зации, а мои разборки с тещей – однажды разозлюсь окон-
чательно и пришибу ее насмерть одним ударом.

Но человек – существо адаптирующее. На место устало-
сти пришла апатия, поглотившая все остальные чувства. Все
кончено – жизнь прошла, пришел конец моему будущему.
Неудивительно, что мне трудно представить второго своего
ребенка – похоже, что я не доживу до счастливого дня его
рождения.

Меня удерживала от расправы над тещей любовь к же-
не? – да вряд ли. Любовь – это блажь пресыщенного орга-
низма, а мой был истощен основательно. Мне и секса теперь
не хотелось – желание было одно: лечь, закрыть глаза и ни-
когда не просыпаться. Последнее чувство – уважение к же-
не – исчезло напрочь в эгоистическом желании спать-спать-
спать....

Может, гордость меня держала на ногах в те дни? Чув-

ство гордости – я моряк! я офицер! я мужчина, черт возьми! я многое могу перетерпеть.

Или чувство стыда – Тома же терпит!

Бывали, конечно, и выходные.

Тома занималась своей мамой, если та пьяная, а я отсыпался. Все возвращалось на круги своя – как ни крути, никуда не денешься, мы семья, и скоро у нас родится ребенок. Честно говоря, я бы не смог его оставить, если бы даже Тома, в угоду матери, отказалась от меня. Подобные шаги не для меня – я слишком исполнен чувства долга. Все, что заложили в меня природа и родители для великих целей – впустую. Вся моя жизнь – лишь бессмысленная череда неудач.

Почему-то от этой мысли становилось легче. Мне не добиться чего-то в жизни, чтобы потрафить родителям и собственному самолюбию. А раз не добиться, то не стоит и переживать. Жизнь дана для того, чтобы за ней наблюдать. По-наблюдаем....

Надо отдать должное Томе – она научила меня сдерживать ярость. Ярость, граничащая с бешенством – существенный недостаток. Да и вообще любые сильные эмоции следует сдерживать внутри себя. Тома умудряется не проявлять даже сексуальные оргазмы. Жесткий самоконтроль или их нет совсем?

Одно было абсолютно очевидно – игра наша в молчанку с Томой затянулась. Нам еще предстоит ребенка воспитывать, и я подумывал, что мне совсем не улыбается продол-

жать совместную жизнь с неразговорчивой, скучной женщиной. Пришло время восстановить нормальные отношения. Я напомнил себе, что в обязанности мужа входит добиваться послушания и покорности жены.

Наблюдая, как Тома завтракает субботним утром, любовался ее отменными манерами. Она пользовалась столовыми приборами с грацией эталона, служащего всем примером. Вот что значит быть педагогом! Появилось законное чувство гордости – я женился на хорошо воспитанной женщине. Если припомнить манеры ее мамочки, то заслуга Тома в деле собственного воспитания двойная.

И еще подумал, не надо видеть в ней союзника своей мамы – это все игра обстоятельств. Она моя жена и хотя бы поэтому заслуживает уважения.

Попытался завязать разговор, предложив обсудить планы на вечер.

– А пойдем к Евдокимовым – давненько мы не были у них в гостях.

Тома насмешливо вздернула бровь от моего предложения, но ничего не ответила. Она встала и начала убирать со стола. А я посмотрел на нее с обидой – этой даме удастся издеваться надо мной, даже не произнося ни слова. И все же ее молчаливая обида была лучше моего тупого смирения и апатии, в котором я пребывал в последнее время. По крайней мере, мне так казалось.

Но один факт оставался очевидным – любит она меня или

презирает, она по-прежнему моя жена. Мне хотелось выпить у зятя с зятем и поговорить с гордой надутый Томой по душам.

Вечер прошел, как запланировали – теща вела себя спокойно.

Как только разделись и легли в кровать, я обнял Тому и привлек к себе.

– Давай хоть не будем друг на друга сердиться – разве нам мало той головной боли, что спит сейчас в соседней комнате? Давай хоть изредка будем доказывать, что мы семья.

– Давай спать. Ты слишком много сегодня выпил, – пробормотала она и расцепив объятия, повернулась ко мне спиной.

– Ну, хорошо, давай просто поговорим.

– Я помню, что ты мой муж – этого достаточно?

– Так докажи, что ты знаешь свои обязанности, жена.

– Разве ты не понимаешь, что уже нельзя?

– Понимаю, но я по пальцам могу сосчитать, сколько раз мы были близки со дня нашей свадьбы. Разве для этого женятся?

– О чем ты говоришь?

– О сексе.

– Какое противное слово, – Тома в задумчивости покачала головой. – Я всегда считала, что близость мужчины и женщины это торжество отношений, это праздник, который готовится исподволь и долго. А перепихон походя не для меня.

Наверное, ты ошибся во мне. Как и я в тебе – прежде ты мне казался другим....

Я пытался вникнуть в ее слова, не желая верить, что любовь ее прошла, что я не оправдал ее доверия. Любви от жены не требуют – ее добиваются. Зачем же я, балбес, женился тогда? Добиваться любви можно и холостым. Ах да, в ее чреве растет и просится пинками наружу мой плод. Ему семья нужна – семью мы создали....

– Ну, хорошо, я добиваюсь, ты уступаешь – себя в виде подарка. А где же любовь твоя, дорогая? Если тебя не влечет ко мне, значит ее нет. Давай обсудим проблему. Семью мы создали, любовь потеряли – как дальше жить? У нас будет ребенок, мы обязаны его поднять, воспитать и образовать – согласна? У нас обязанности перед ним – ведь мы же родители. И кроме того, мы – муж и жена, у нас есть обязанности и друг перед другом. Согласна? Ты думаешь их выполнять, пусть даже в отсутствии любви? Или нет? Чего молчишь, как рыба об лед? Я пьян и порю чепуху? Скажи ты слова умные....

Я заметил, что пальцы Томи слегка дрожат. Я уже долго говорю, а она все молчит. Мне становилось не по себе от упорного молчания жены, которая не вступала в спор и не соглашалась со мной. Ее гордость и чувство достоинства оказались поистине непоколебимыми. Впрочем, так же, как женственность и красота. Ей только страсти не хватает....

Я порывисто повернулся и обнял ее.

– Все, что я хочу от тебя – это немного нежности. Поцелуй, ободрй, скажи: «Я с тобой!» и мне будет проще держать себя в руках в присутствии этой кикиморы....

– Кикиморы? – горько повторила она.

– Прости, но это еще мягко сказано.

Я ласково стал гладить ее плечо:

– Спи, дорогая. А когда проснешься утром, постарайся понять – кто семья твоя, с кем тебе воспитывать малыша? Возможно, когда ты поймешь это, будешь немножечко поласковее со мной. Мужчина без любви существовать не может – я говорю о физической близости, а не о романтической хреноте. Ты ведь не заставишь меня искать утех на стороне. Пусть ты у нас – утонченная личность, согласен, что я – грубый мужлан. Но одно без другого существовать не может. Темное всегда должно наполняться светлым, как женщина наполняется страстью мужчины. Друг без друга ни то, ни другое не имеет смысла. Как бы могли знать, что это ночь, если бы не было дня?

Томе вдруг стала весело:

– Ты можешь наполнить меня страстью?

А я почувствовал разочарование. Скользнул взглядом по ее лицу и продолжил:

– Я действительно так считаю, но при условии, что ты этого хочешь.

– Даже несмотря на то, что я, как ты говоришь, фригидная женщина?

Я усмехнулся:

– Ты как будто жалеешь, что родилась женщиной.

Тома немного задумалась:

– Не совсем так. Но я не хотела бы быть мужиком, настолько зависимым от секса как ты. Вы считаете нас слабыми существами, но сами не можете устоять перед примитивным своим инстинктом.

– Близость с женщиной – это не только инстинкт продолжения рода. Овладевая женщиной, мужчина делает ее сильной.

– Сила, о которой ты говоришь давно широко известна – вынашивание детей, хлопоты по хозяйству, согревание постели для своего мужа... Ты ведь это имел в виду? – спросила Тома с легкой усмешкой.

– Тебе, кажется, доставляет удовольствие подтрунивать надо мной?

– Иногда, товарищ бывший инструктор райкома партии.

– Получаешь от этого удовольствие?

– Иногда.

– Обидно слышать, но я все-таки рад, что мы наконец общались, а то молчим-молчим... как будто в могиле лежим.

И затынул:

– Мы лежим с тобой в маленьком гробике, ты мослами прижалась ко мне...

Тома прикрыла мне рот ладошкой.

На следующие выходные жена запланировала поездку

в Кустанай за чайным сервизом. И цель поездки и маршрут я оценил, как глупость возведенная в степень глупости – есть же в Южноуральске фарфоровый завод, и этой дряни там завались. Но попробуй что-нибудь докажи женщине, втемяшившей себе в голову.

– Как благородно с твоей стороны, – сказала Тома на мое согласие.

– У этой авантюры есть еще один существенный недостаток, – мрачно изрек я.

– Какой же?

– Одна озлобленная старуха, оставшись без присмотра, побьет все, что мы сейчас имеем.

– Ни смей называть мою маму озлобленной старухой!

Мария Афанасьевна действительно всю неделю держалась, в рот не брала и внушила Томе надежду.

Я вошел в комнату в тот момент, когда Тома стояла в ней почти голой – она одевалась в дорогу. Она повернулась ко мне спиной, а я нет.

Наблюдая за мной в зеркало, жена заметила:

– Я думаю, от природы у тебя крепкие нервы.

– Возможно, это от матери.

Я подошел к ней, обнял со спины, взял в ладони обнаженные груди и прижался чреслами к ягодицам.

– Знаешь, что, дорогая, хочется мне сказать – когда я стану директором АИЗа, мне понадобится настоящая жена, которая будет любить меня и обладать манерами истинной ле-

ди – это необходимо для визитов к первым людям города. Женщина, обладающая умом и умеющая вести себя в приличном обществе. Та, которая доверяет мне целиком и полностью, предана мне и которая знает не понаслышке, что такое интимная близость.

Тома вздернула подбородок:

– Надеюсь, ты найдешь такой образчик. Желаю тебе всяческих удач. Хочешь совет?

Я насторожился:

– Говори...

– С первого дня обращайся с ней, как подобает – не считай ее станком для секса и не заваливайся к ней в постель с перегаром. Лучше подожди, когда она сама тебя навестит. Ведь в вашей квартире будет много комнат....

Я ухмыльнулся в ответ, целуя жену в шею.

– Лучше уж я заведу любовницу. Хочешь анекдот по поводу?

И я рассказал жене анекдот о производстве и женской логике, в финале которого жена говорит мужу, который указал ей любовниц всех руководителей завода: «Наша, несомненно, лучше всех...»

Тома стерпела мой грубый натиск, моей похабщине улыбнулась, и я почувствовал прилив прекрасного настроения, отправляясь за глупостью, возведенную в степень.

Разговоры про любовниц я заводил, чтобы жену потравить. В том, что я не способен на измену, не сомневался.

Я мог поболтать о сексе и женщинах, посмотреть на стриптиз, раз уж такое показывают, но изменить жене – никогда в жизни! Я был весьма щепетилен в таких делах, обладая обостренным чувством чести и собственного достоинства. Объяснял любопытным очень просто – изменять жене, себя унижать: неужто где-то есть женщина лучше моей?

Сейчас понятно, беременность и все такое. Но после родов я собирался Томе объяснить, что интимная близость это совсем не повинность, а великая радость и наслаждение. В том, что это не получилось в медовый месяц винил исключительно ее мать – сумасшедшую старую ведьму. Меня просто выбило из колеи сосуществование рядом с ней. После того как Тома поймет это, ей нужно объяснить, что секс это не гостинец, которым угощают послушного мальчика, это взаимное желание, от которого и появляется любовь. А не наоборот, как про то пишут в книгах.

Мы выехали затемно из Южноуральска на автобусе. И теперь, удобно устроившись в кресле, смотрел с искренним изумлением, как лучи восходящего солнца искрятся на снеговых барханах казахской степи.

– Смотри, как здорово!

– А ты не хотел ехать. Странно слышать, однако, как кабинетный работник нахваливает красоты природы.

– Боюсь, ты плохо меня знаешь.

– Видимо потому, что нам выпало нелегкое время, – сухо намекнула она на мои райкомовские передраги. – У нас

не было возможности узнать друг друга как следует.

Я взглянул на нее:

– Теперь мы достаточно узнали друг о друге?

– Еще будут трудности, – нахмурилась Тома.

– Может быть, но это неважно – в итоге мы все равно муж и жена.

– Временами ты меня поражаешь своими философскими замечаниями.

– Между прочим, в нас много общего – и ты, и я делали себя сами, начиная с того как вилку держать, и кончая тем, как вести себя в светском обществе.

– Жизнь и социум – прекрасные учителя, а я всегда была прилежной ученицей.

– В одном, конечно, ты маху дала – в половом вопросе.

– Просто я всегда считала, что у вас, мужчин, одна извилина в этом вопросе... Скажешь нет?

– Скажу – да! У мужчин ум ясный и мысли прямые – где? кого? и как? Вы же, женщины, вечно ходите вокруг да около, находя тысячу причин своим нелогичным поступкам и только потом соглашаетесь.

– Это ты сам придумал или вычитал где?

– У меня два диплома о высшем образовании – пора уже кончать читать и учиться, пора начинать писать и учить. Впрочем, еще бы одну науку я освоил вместе с тобой – как мне стать добрым мужем, а тебе хорошей женой.

– Дыши глубже и не напрягайся – тогда все получится.

После этого диалога я сидел, погруженный в думы о своем прошлом, настоящем и будущем. Неизвестно почему везде присутствовала Тома. Впрочем, если подумать, то.... В прошлом – потому, что начал осознавать: взрослая жизнь только теперь началась. В настоящем – потому, что не знал, как лучше себя с ней вести. И в будущем – потому, что страшно боялся ее потерять.

Иногда мне казалось, что наши отношения улучшаются. Но такие моменты неизбежно проходили, и очень быстро – стоит только теще напиться.

Да еще интимный вопрос был проблемой. Только круглый идиот вроде меня будет сидеть и ждать от жены приглашения – мол, возьми меня поскорей, дорогой. Мужчина сам должен настаивать на выполнении супружеских обязанностей. Я ведь почти с ума сходил, ожидая такого приглашения от Тома – ну, когда было можно. И, похоже, мне пришлось бы ждать вечность. Никто бы на моем месте такого дурака не стал валять – подол на морду, и... терпи, жена, коли не нравится.

Я не правильно веду себя с Томой. Если позволить ей устанавливать правила игры, то мне лучше спать одному и завести любовницу....

До самого Комсомольска продолжался внутренний монолог. Здесь мы вышли на мороз проветриться и покурить. Голова рассталась с мрачными мыслями – наступил момент необычного облегчения. Подсаживая жену на ступеньку ав-

тобуса, я смотрел на нее со смешанным чувством уважения и восхищения.

Тома заметила мой взгляд и удивилась.

– Что-то произошло в туалете?

– Ага. Я влюбился в свою жену.

– Ты, возможно, и твердолобый, но честный человек, – она слегка улыбнулась. – Честность – хорошая черта в мужчине.

– Я рад, что у меня есть хотя бы одна хорошая черта. Тома...

– Что?

– Я очень рад тому, что ты стала моей женой.

– Я могу сказать тебе то же самое.

– Правда?

– Почему нет?

Наконец, Кустанай – типичный советский город.

Мы исходили его вдоль и поперек, нашли и купили то, что хотела Тома. Мы добрались до вокзала и стали ждать поезд Алма-Ата – Москва. Он будет в Увелке в половине второго ночи. Мы еле держались на ногах.

– Блин, Тома, ты не умеешь жить с наслаждением – вечно до изнеможения, вечно до последнего издыхания. Так ли они нам нужны, эти чашки и блюда?

– Почти всю жизнь я прожила с озлобленной на жизнь женщиной, которая только и говорила о моей ответственности перед ней, моих обязанностях и долге. Ты, пожалуйста, не начинай.

Я чуть зубами не закрипел.

– Я как раз об обратном. Нельзя жить, зажимая себя. Сдается мне, когда ты проводишь в последний путь свою ненормальную матушку, тут же займешь ее место и начнешь пить, со словами – я долго терпела! Она растила тебя с единственной целью – использовать. И использует на все сто!

Тома горько усмехнулась:

– А разве ты на мне женился с другой целью?

Почувствовал, еще немного и я взорвусь.

– Мы оба женились по расчету – ты хотела ребенка, я выполнял задание партии. Но ведь жить нам, и воспитывать нашего ребенка тоже нам. Так давай будем жить дружно – в любви и согласии.

– Мы уже обсуждали эту тему не раз и ни к чему не пришли. Оставим ее – я смертельно устала.

Мне, сбитому с толку таким поворотом и не успевшему излить все накопившееся негодование, осталось только молчать и ругаться про себя.

Опять я все сделал неправильно. Вроде бы наметился какой-то контакт в ходе поездки, а я умудрился порвать эту тоненькую ниточку своим необузданным темпераментом.

Если быть честным с самим собой, то нужно признаться, что кроме себя винить мне некого. Да, в конце дня я повел себя отвратительно – устал, не сдержался... И беда в том, что теперь не знаю, как исправить ситуацию. Попытался представить себе что-то из области фантастики – как жена умо-

ляет меня о близости с ней.

Уже в поезде, примостившись в углу плацкарты, Тома сказала:

– Завтра я угощу тебя чаем с травами, а стол накрою этим сервизом.

Сказала и прикрыла глаза.

А меня озарило – она неловко себя чувствует. Никогда прежде она не начинала разговора после ссоры. И я почувствовал себя неуютно, так как не знал, что в ответ сказать. Но ответа не ждали. Просто Тома выполнила поставленную задачу и отметила галочкой.

Ну, а мне спасибо.

– Пожалуйста, – буркнул я. – Обращайтесь!

Противоположности. Мы – естественные противоположности. Если существует одно, обязательно должно быть и другое. В природе все стремится к равновесию.

Когда все треволнения поездки были позади, а мы в постели, Тома еще раз сказала:

– Спасибо, тебе.

– Не забудь об этом, когда придет время, и ты сможешь расплачиваться за мои услуги. Согласись, я честно заработал твою ласку.

Тома согласилась и скоро уснула.

А вот у понятливой жены, думал я, пытаюсь заснуть, такие долги не копят.

Мне моя теща иногда казалась злой колдуньей – ей, бо-

гу! Ну а я, понятно, прекрасный принц. А Тома моя – заколдованная принцесса. Используя свою колдовскую мощь и принцессу-заложницу, эта домашняя Гингема решила подавить во мне любовь к жизни и прочие инстинкты. Кажется, добилась успеха. Хотя, кто знает? Может быть, они подавлены лишь на время? – пути судьбы часто сложны для понимания. Жизнь могла выбрать и другой сценарий, заставив стать мужем женщины старше и хитрее меня.

Но затем, что происходит на самом деле, стоит скрытая логика. Мы называем это судьбою, но в реальности это лишь поддающееся расчету взаимодействие различных сил, установленных свыше, и ровным счетом ничего больше. Все находится в движении, и действие сил можно предсказать, основываясь на событиях, которые происходят, либо самим ставить условия их взаимодействия.

Я думаю, что мы с Томой все переждем, и брак наш станет счастливым.

Ночью (во сне, конечно) Тома спросила меня:

– Как бы ты себя чувствовал, если узнал, что человек, который родил тебя и вырастил, заботился о тебе, при этом лгал?

– Он бы за это здорово поплатился. Хочешь, я убью ее? Ты об этом хотела меня попросить?

Тома была поражена:

– Как мог ты подумать?

А я улыбнулся:

– Я хочу, чтобы ты поняла, что только твоя мать отравляет нам счастье совместной жизни. В каждом слове ее яд сочится. Пока ты с ней и ей внимаешь, ты ни с кем не будешь счастлива. Наш брак обречен, пока ты с ней.

Силы логики и предназначения вступили во взаимодействие и привели к завершению того, что мы так долго ждали. Короче, в апреле у нас родилась дочь. Встретились мы с Томой случайно и поженились абь как, но теперь я начинаю думать, что в нашем браке случайностям не было места: малышка была прелестна, как ее мать.

О, упрямая, нелогичная, неразумная женская психология – она повторилась!

Тем не менее, взяв дочку на руки, я с торжественным чувством поклялся жене:

– Мы будем вместе до тех пор, покуда в нас теплится дыхание.

Иногда жизнь проста и бесхитростна, но дети – ее вершина. Это я позже тоже сказал.

Возможно, мы для того и живем, чтобы создавать новую жизнь. Для меня это новая мысль.

Противоположности слились и создали новую жизнь!

Жена скривила губы в усмешке:

– Может, перестанешь себя обременять сложными философскими изысками и займешься делом.

У нее, очевидно, была своя точка зрения на событие. Ее чувства были менее сложными и восторженными – более простыми и приземленными.

Тридцать лет, первый ребенок – врачи очень беспокоились за Тому и отправили ее в Челябинск на сохранение. Там наша Настенька и родилась. Я хотел такси нанять, но отец подсуетился, и мы поехали за новорожденной и ее мамой на его «ЗАЗ-968». Потом трижды дед приобрел внучке в подарок корыто и пожелал счастливой жизни.

Мы первый раз искупали ребенка. Конечно, крику было. Но потом дочь поела и уснула. А мы занялись домашними делами, поделив обязанности – мне пеленки, Томе кормление. Теща давала советы. Оба чувствовали себя усталыми, но бессонные ночи только-только подступали.

Ночью, впервые после долгой разлуки, я обнял жену:

– Скажи, какому попутному ветру я обязан встречи с тобой?

Она улыбнулась мне в ответ:

– Этим счастьем ты обязан рейсовому автобусу Южно-уральск – Увелка. Ты что забыл? Никогда не думала, что моя судьба повернется таким образом. Даже если бы я ее знала, никогда не поверила.

– Тома, ты мне очень нужна. Мне кажется, я еще никогда не нуждался так в женщине, как рядом с тобой. Иногда кажется, что меня следует приковать к тебе, а ключ нафик выкинуть.

Я взял в ладонь половинку ее лица и, поглаживая большим пальцем нижнюю губу, внимательно посмотрел ей в глаза:

– Я не всегда принимаю правильные решения. Я понял – быть хорошим мужем очень сложно. Мне казалось, что все обязанности давно распределены и надо только правильно ими пользоваться. Оказывается, это еще не все... Я думаю, что совершил бы ошибку, сказав, что полностью понимаю тебя. Но сейчас я чувствую, что нахожусь в надежных руках. А многие мужчины недооценивают своих жен или, скорее всего, не понимают...

Тома не нашла, что ответить... А может, ей было уже не до меня. Еще мгновение, и она уснула. Ну и хорошо. Я был рад остаться наедине со своими мыслями и обдумать все, что произошло. Я думал о новой жизни, которая тихо посапывает в своей кровати. Уже было ясно, чьи характер и внешность она унаследовала.

Верно кто-то заметил – будущее входит, чтобы изменить нас изнутри, задолго до того, как произойдет видимая перемена.

Прежде в часы бессонницы я уходил на кухню и курил у открытой форточки, сидя на подоконнике. Теперь подставлял стул и садился у кровати дочери. Она улыбалась во сне. Мне нравилось наблюдать за ней. Она очень похожа на свою мать, и все в ней настолько близко к совершенству, насколько только возможно. Темные волосы, большие глаза, задорно вздернутый носик... одним словом, в девочку трудно не влюбиться.

Настенька оказалась вполне самодостаточным человек-

ком, которому нет нужды – рядом ли взрослые или где-то шляются. Если все у нее в порядке – сухи пеленки и не мучают жажда с голодом, она с удовольствием гремела погремушками, подвешенными над ней, и при этом гугукала сама с собой.

Она была аккуратна, находчива, изобретательна – каждый день я открывал в ней что-нибудь новое. Но наибольшее уважение вызывали у меня спокойствие и выдержка, с которыми Настенька переносила ежевечерние купания – а, может быть, они ей понравились?

Нет, что ни говори, а ее общество мне нравилось, пожалуй, больше, чем чье-либо другое. Правда, она либо спала, либо молчала в моем присутствии – но даже и это (мне так казалось) доставляло обоим изрядное удовольствие и делало нас ближе друг другу. Само ее присутствие в квартире №13 дома №16 по улице Советской, которую я считал личным Адом, скрашивало мое пребывание там.

Думаю, когда моя дочь начнет понимать и разговаривать, нам будет с ней гораздо веселей. К сожалению, дети не могут расти так быстро, как нам бы хотелось.

Дед еще раз появился на своем легендарном «ЗАЗ-968» и привез новый большой ковер, приобретенный по лимитам Совета ветеранов.

– Наш подарок на вашу свадьбу, – был комментарий.
Бабушка дала внучке подержаться за свой палец.
Теща напоила гостей чаем.

– Не понравилась наша дочь твоим родителям, – сказала Тома после их отъезда.

– На твоём месте, я бы поберег суждения для будущего.

Потом вспомнил, как отец плакал пьяными слезами при рождении первого внука – сына Людмилы. Рождение моего первенца было встречено сдержанней. И поправился:

– Может, все дело во мне?

– Именно это я и называю предвидением, интуицией. Как ты собираешься совмещать любовь к своим детям?

– Постом и молитвой, – ответил я. – Вот самый простой и самый честный ответ на твой вопрос.

А теща ехидно рассмеялась.

Оставшись с дочерью наедине и увидев, что она хмурится, попробовал успокоить ее словами:

– Настюш, мы купили билет на поезд в один конец, так что давай наслаждаться поездкой – пока можем.

Рассеянный солнечный свет просачивался сквозь листья кленов у края двора и падал прямоугольником окна на пол в нашей комнате. Весна вступила в свои права.

Еще на смотрины новорожденной приходили старшая сестра Людмила и мой бывший шеф в райкоме партии Кожевников П. И. – пораздельности, конечно.

Я был очень рад, что мне удалось встретиться и поговорить с Пал Иванычем. Потрепаться – вот более подходящее слово. Он заканчивал ВПШ и совсем не собирался возвращаться в район – готовил себе место в обкоме партии. Наша

шутливая беседа помогла мне успокоиться и совладать с нервами. А нервничать было отчего. То, как поступили со мной, было верхом несправедливости – так считал и Кожевников. Демина, бывший общий шеф, стала нашей общей вражбой, и немало недобрых слов ей было посвящено. По нашему общему представлению Людмила Александровна в райкоме выполняла функцию зловредного насекомого – на змею, считал Пал Иванович, она явно не тянула.

Ну, так у Кожевникова и масштабы другие!

После его визита моя душа со страшной силой взалкала свободы. Точнее, тело попросилось на природу, где я не был с начала снеготаяния. Теперь не принадлежал себе и потому отпросился у жены в выходной день, когда теща была трезва, а наша малышка вела себя хорошо.

По дороге к околице заглянул к родителям – прихватил с собой пса Моряка.

Я бежал ровной трусцой напрямик через поле от одного телеграфного столба к другому. Пес носился кругами, лаем выражая восторг жизнью. Отец взял его щенком – теперь это уже был взрослый пес с блестящей густой темной шерстью.

– Рядом, Моряк, рядом, – увещевал я его, завидев общественное стадо.

Похоже, за время, что я не ходил на тренировки нашего футбольного клуба, изрядно подрастерял физическую форму. Дыхание давалось с трудом, а лицо и подмышки покрылись потом.

Моряк по-прежнему бежал впереди, однако через каждые сто метров он останавливался и поджидал меня. Наблюдая за ним, невольно задавался вопросом – как это, сидеть на цепи? Должно быть, скучное занятие. Теперь по себе знаю, хотя зов дикой природы где-то глубоко скрыт в моих хромосомах.

Продолжая бег по лесной дорожке, думал, не отождествляю ли я свою жизнь с собачьей на цепи. Чувствует ли Моряк в будке и на дворе угнетенным и подавленным, как я себя в квартире и комнате? Не снимает ли он свой стресс лаем на прохожих? Может, и мне попробовать в форточку на кого-нибудь гавкнуть или повить при луне ночью? – глядишь, легче станет.

У заветной лиственницы постоял, прислонившись лбом. Она вибрирует и раскачивается – кажется, энергия космоса через ветки, ствол и корни входит в землю, заряжая ее. И мне немножко зарядки не помешает. Она необходима, чтобы выжить в аду.

Вспомнив о доме, машинально посмотрел на часы – сейчас Настеньку кормят....

Опустившись на корточки, бесцельно палочкой почву поковырял, стараясь сдержать подступившие слезы. Не сумел. Слезы потекли по щекам, и вырвался сдавленный всхлип.

Моряк услышал этот звук и, подбежав, сунул голову на колени – я почесал ему за ухом.

– Ничего-ничего, – пробормотал, – я просто устал.

Пес слегка повел глазами, покосился на меня – его беспокойный взгляд выражал сочувствие.

– Ах, если бы ты умел говорить, – вздохнул я, глядя в желтые глаза зверя, и погладил белое пятнышко на его лбу. – Ты бы мог подсказать, как можно сидеть на цепи, не сходя с ума.

Я не имел в виду карьеру и жизнь вообще – говорил о своем браке, который превратился в буквальную каторгу отношений. Теща, жена, дочь – всем от меня чего-то надо, все от меня чего-то хотят. Не припомню, что и когда я брал у них, чтобы так задолжать.

Моряк, конечно, ничего не понял. Он только поднял мне на колено широкую лапу свою, и это молчаливое сочувствие бессловесной твари заставило всхлипнуть еще раз.

После пробежки на природу на душе было радостно – в благодарность за предоставленные часы отдыха, позабыв о всякой сдержанности, я крепко обнял Тома. Мне хотелось внушить ей мысль, что создав живое существо одно на двоих, мы превратились в единомышленников.

Не знаю, как мать или педагог, Тома сказала такую мысль:

– Ребенок должен купаться в любви.

– На практике как это будет выглядеть?

И Тома ответила:

– Если сердце ничего не подсказывает, попробуй для разнообразия воспользоваться головой.

Как мать Тома была заботлива, внимательна, слишком

требовательна в пустяках и капельку бестолкова. Стало быть, нашей малышке повезло... А я терпеть не мог эти ритуальные танцы вокруг истины – трудно сказать, где какая рыба и почему? И пытался себя убедить, что не все так плохо в нашей семье – есть то, ради чего стоит вместе жить. Или кого.... Пусть сейчас тяжело, но если бы мог, с большим любопытством заглянул вперед – лет так на двадцать – и посмотрел, что с нами станется. Но надо прожить эти двадцать лет, чтобы увидеть, что с нами будет.

Выходные заканчивались, и снова надо было впрягаться в шестнадцатичасовой рабочий день. Теща пить не бросила с рождением внучки, как мы надеялись, но перенесла свои пьянки на Бугор к сестре Мусе. Тома не спешила ее забирать оттуда, и ее порой не было по нескольку дней. Жизнь стала сносной, а постоянное ожидание ее возвращения мучительным. Я понимал, что отчаяние притаилось где-то рядом и что оно обязательно вернется не сегодня так завтра вместе с пьяной тещей, но пока на душе было просто плохо и мучительно, как после пьянки.

Казалось, время обрело способность сжиматься и растягиваться – был бесконечный день на заводе, и была беспокойная ночь дома. Но какой день? Что за ночь? Все будто проходило мимо меня. Тома сказала, что Настенька начала издавать осмысленные звуки – как одобрения или недовольства. Это можно было считать вехой жизни.

Я был уверен, что горе вот-вот обрушится на меня, слов-

но горный обвал. Но время шло, и горе не шло, однако ничего хорошего в этом не было, потому что отсутствие горя порождало чувство вины перед Томой. Она все силы отдает нашему ребенку, а я засыпаю с ним на руках.

С не меньшей силой подействовало осознание того, что для карьеры на АИЗе у меня не было перспектив. Как инженер, я здесь не по профилю, а для общественной работы – изгой.

В конце концов, мне все же удалось справиться с собой. Лучше всего отвлекали от мрачных мыслей монологи с дочерью – я рассказывал ей о житье-бытье своем на работе и дома, а она внимательно слушала. Тома увидела и набросилась на меня:

- Кончай ей голову забивать! – девочке давно пора спать.
- Но ведь не плачет, а слушает.
- Плачет и капризничает, когда ты на работу уезжаешь, а я отдуваюсь.
- Переживает за меня.

Утомленный борьбой с чувством вины перед женой и страхом перед тещей, я начал фантазировать вслух, рассказывая дочери как мы весело с ней заживем, когда она научиться ходить и говорить. Я рассказывал ей о братике, который уже собрался в школу, который умеет читать и писать и не умеет выговаривать букву «р».

- Вы обязательно подружитесь. Он научит тебя в свои игры играть, а ты его – говорить букву «р»...

Настенька ласково улыбалась и кивала головкой, соглашаясь.

Я читал ей стихи по памяти.

– Вечор ты помнишь? – выюга злилась,

На синем небе мгла носилась....

А нынче – посмотри в окно....

Настенька послушно поворачивала голову.

– Под голубыми небесами

Великолепными коврами

Блестя на солнце, снег лежит...

За окном ярилось солнце, воробьи очумело чирикали, а мальчишки дворовые вместе с девчонками рубились в футбол... Прекрасные поэтические строки не находили отображения. Но дочь не унывала – она из рук рвалась вон и душой была во дворе.

По выходным мы купали дочь вместе с Томой.

– Болтай, болтай, не останавливайся, чтобы не заплакала – потом не утешить.

И я вел речь тоном Баяна-сказителя, уложив крохотное тельце на ладонь.

– Кто это у нас тут могучий такой разнагишался? А? Не ты ли славный богатырь Илья свет Иванович, что прописан в селе Карачарове сиднем на печке?...

Дочь расправляла плечики и сучила ножками, стараясь вырвать у мамы из рук детское мыльце.

– Ну, что ты городишь? Какой богатырь? Она же девочка!

– Василиса Премудрая или Василиса Прекрасная? – кто ты, девица, отзовись.

– Марья Царевна наша Настенька, – встревала Мария Афанасьевна, коршуном кружившая по кухне, и отбивала у меня охоту быть сказителем.

Я умолкал, дочь, не дождавшись сказки, начинала плакать, и чудесная процедура купания быстро сворачивалась.

– Настенька, хочет что-нибудь вкусенького? – пыталась Тома привлечь ее внимание.

Но дочь моя больше каши и маменькиного молочка любила сказки папочки.

Хотя, конечно, немного утрирую.

На работе я себя уже чувствовал не в пример увереннее первого дня и даже ездил на каре в литейный цех, чтобы к началу второй моей смены контейнеры с заготовками стояли у токарно-копировальных станков. Мне не хватало лишь одного – собственного клейма качества. За качество моих деталей ответственность на себя брал Боря Синицын. Странный какой-то цех – без БТК и контролеров по качеству. Весьма непривычно после «Станкомаша». Но там оборонный заказ и заказчик. А здесь какие-то погремушки из стекла и фарфора!

Проклеймив детали и отправив контейнеры в цех стеклянных изоляторов, зашел в комнату мастеров.

– Доброе утро, Анатолий, – приветствовала белокурая красотка Лариса. – Как вы себя сегодня чувствуете? Дома-то

были?

Пожал плечами и сел за свой столик. Ни ее, ни чьи-либо еще подковырки меня давно уже не доставали.

– Вы сегодня уставшим не кажетесь.

– У вас есть предложения интимного плана?

Ну, а как еще с такими разговаривать?

– А вы испытываете ко мне чувства?

– А без чувств никак?

Мне давно хотелось расспросить кого-нибудь сведущего по теме – сколько женщине нельзя заниматься сексом после родов? Месяц, два, три? Год, два года или три? Но не эту же белокурую куклу.

– Никак, – покачала головой Ларчик. – Но если что-то почувствуете ко мне, сразу скажите: я женщина свободная – ломаться не буду.

Было сказано вслух при всех мастерах – в плане, скажем, не обольщения, а пикировки. Николай Иванович впрягся в диалог:

– Ларочка, а соврать можно про чувства?

– Вам можно, – ответила Лариса, почувствовав его настроение.

Некоторое время все молчали, сидя за своими столами. Потом Монастырников спросил:

– У вас, Анатолий, высшее техническое образование?

Я молча кивнул.

– И черт побери! Человек с высшим техническим обра-

зованием становится к станку, – вскипела Лариса. – Совсем не ценит мастеров советская власть. При царском режиме зарплата у руководящего звена была – будь здоров! Мы – мозг производства, а нас превратили в подкрановых стропалей.

– Пойдите, скажите про это директору, – посоветовал Николай Иванович.

– Говорила, – отмахнулась Лариса рукой. – На профсоюзном собрании говорила и на партийном говорила, что никогда нам Америку не догнать, если мастера будут получать меньше рабочих. Все без толку! – пролетариат у нас гегемон. Со временем, говорят, когда выровняется социальная структура общества, все придет в норму.

Мысли наши перекликались, и я никак не мог справиться с растущей приязнью к этой женщине.

С работы вернулся – дома киль-дым. Настенька плачет на руках у мамы. Время – первый час ночи.

– Где тебя черти носят? – сварливый, режущий слух визг тещи. Снова она – недоперепила!

Мысли мои заметались от ненависти, а сам я облился холодным потом ярости.

– От него же духами прет! – злобно взвизгнул противный голос.

Я страдальчески поморщился – не объяснять же этой карге, что после работы на станках, принял душ, и пахнет от меня шампунем.

Тома:

– Переодевайся, руки мой и бери Настеньку – я уже из сил выбилась, а она успокоиться не может.

– Может, зубки режутся?

– Рано еще.

– Ты представляешь, иду на автобус, а на остановке Настенька сидит..., – Томе рассказываю, а сам гримасничаю, чтобы привлечь внимание дочери. Только она приумолкла, дыхание перевести, я спросил. – Ты чего там, доченька, делала в двенадцатом часу ночи в чужом городе?

Она задумалась.

– Будем спать или носы почешем?

Была у нас такая игра-церемония с ней. Она не потянулась – значит, спать. Я стал нашагивать из комнаты в кухню коридором и обратно, покачивая дочь и напевая:

– Тебе я приносил в морозный день цветы

Пожар моей любви мог растопить снега и льды.

Но в сердце у тебя был ледяной комок,

Который разогреть я все-таки не смог...

Заметив, что она смежила глазки, положил дочь на нашу семейную кровать и через минуту спал рядом.

Монастырников снова меня спросил, будто забыл, какое у меня образование.

– ЧПИ, ДПА, – ответил я.

– Я к тому, что не дело стоять за станком человеку с высшим техническим образованием, – сказал он.

– У меня есть разрешение администрации, – буркнул я, почуяв наезд.

– А я о моральной стороне дела.

– Честь мундира?

– Вроде того. Вы могли заняться рационализаторством – раз инженер. За это платят. И почет опять же.

Я помолчал, не зная как сформулировать свой ответ.

– Есть заказ на усовершенствование? – наконец спросил.

– Совершенству нет пределов – надо только приглядеться.

– Хорошо, пригляжусь, – буркнул я, чтобы только отстал.

– Я член заводского парткома, – сказал Монастырников. – Вами интересуются. Спрашивают о вашем мировоззрении. Я сказал, что антисоветчины от вас не слыхал.

– Спасибо, – я сплюнул небрежно в урну у стола, выражая свое отношение ко всякого рода комов. А впрочем, пусть понимают кто, как захочет.

Отлично, – подумал. – Я приложил столько усилий, чтобы добиться права работать свехурочно на станках, а партком ищет моральную подоплеку моего поступка. Господи, как же я ненавижу нашу родную руководящую и направляющую, собравшую в своих комах настоящих подонков, душевную рвань и моральное отребье, от одного вида которых хочется плевать! В памяти дни, когда мне приходилось пресмыкаться перед ними, угождать, льстить, сидеть с ними рядом, пить из одного стакана и выслушивать бесконечную похвальбу – что они сделали для народа. Неужто и здесь они

будут доставать?

– Мне кажется, рационализаторская работа более достойна для инженера и коммуниста, – гнул свою линию Монастырников.

– Вам партком поручил меня наставлять уму-разуму? – спросил я, нарочито растягивая слова.

– Не без этого, – ответил Монастырников каким-то деревянным голосом и заерзал сидением на стуле.

– А вы уверены, что вам по плечу эта работа?

Старший мастер с трудом сглотнул:

– А какие проблемы?

– А такие, что таксу, натасканную за кроликами, пустили на волка.

Монастырников бросил беспомощный взгляд на Николая Ивановича – мол, будь свидетелем: мне угрожают.

– А что вы, собственно... имеете в виду? – пролепетал он.

– То, что сказал.

Монастырников сглотнул и, почувствовав, как подпрыгнул кадык, предпринял безуспешную попытку спрятать свое волнение и страх. Значит, в парткоме не ошиблись, и перед ним настоящий враг партии – из тех, что в былые годы расстреливали без суда и следствия. Монастырников содрогнулся от мысли – этот человек способен на все.

Я заметил его страх.

– Итак....

– Что – итак?

– Как вы думаете со мной работать – следить и докладывать?

– Направлять и подсказывать, – заторопился Монастырников. – К примеру, считаю вам надо бросить работу токаря и заняться рационализаторством.

– У меня есть опыт работы по оформлению рационализаторских предложений – я могу рассчитать экономический эффект от его внедрения. Если есть на заводе ребята-новаторы, я готов войти с ними в долю. Их идеи, мое экономическое обоснование и техническое исполнение в чертежах – навар пополам. Объявите через партком по цехам.

– Вот опять, – встрепенулся ум-честь-и-совесть завода. – Я вам дело, а вы мне про деньги. Есть ли на свете то, что вы любите бескорыстно?

– А как же! – жену и дочь.

Лариса мне поощрительно улыбнулась, а Монастырников поймал мысль налету, как собака кость:

– Вот видите.

– Но... жена у меня красавица, дочь умница – мне их надо кормить и одевать. Где деньги брать?

Лариса выставила большой палец – класс!

– Все любят жен и детей, – заныл Монастырников, – но не теряют при этом облик коммуниста.

– Я плачу партийные взносы, – подсказал ему мысль.

– Я тоже плачу, – подтвердил Монастырников.

– На наши взносы безбедно живет секретарь парткома за-

вода.

– Он получает, сколько положено и не стоит у станка во вторую смену.

– Сам не стоит и мне хочет запретить – как же мы будем строить коммунизм?

Монастырников поскреб шею жестом алкоголика:

– Коммунизм, милый мой, прежде всего строится в душе, в сознании людей.

– Известная песня. А Америку проще догнать с голым задом – ни штаны, ни юбки бежать не мешают.

– Вы не согласны с линией партии?

– Всегда «за», когда эта линия не мешает мне жить.

Монастырникова мой ответ явно задел за живое. Кажется, он готов был броситься на меня с кулаками, но потом выражение его лица изменилось.

– Молодой человек, – сказал он почти задумчиво. – Откуда у вас такие взгляды? Вас воспитали, образовали – и что получили?

– А получили то, что теперь понимаю, что народ и партия это я. Если мне хорошо, то и народу с партией не на что обижаться, а государству вообще зашибись. Это же элементарно – государство сильно своими гражданами.

– А я считаю, что могущество нашей страны в ее ядерном щите и самоотверженном духе народа.

– А к врачу обращались?

Лариса прыснула, Николай Иванович осуждающе пока-

чал головой, а Монастырников побагровел до состояния апоплексического удара.

– Мальчишка! Да как ты смеешь?

Я примирительным жестом поднял вверх руки:

– Ладно, согласен – это был глупый вопрос. Я сказал, не подумав.

– В следующий раз думай!

Помолчав, он добавил неожиданно:

– Я хочу, чтобы ты пересмотрел свои взгляды....

– Так уверенны в своей правоте?

– Иначе откажись от членства в партии.

– Я, право, не знаю.... Газеты почитать, так это вашего брата, ее ветеранов, гонят из партийных органов – ЦК, обкомов, горкомов.... Может, как раз вам, старым партийным кадрам пора на покой, где вы не будете нам мешать перестраивать страну?

Глаза Монастырникова словно покрылись тоненькой коркой льда.

– Поговорил бы ты так со мной в 37-м году.

– Во-во, и я про то же. Время ваше, товарищ, давно истекло.

После долгой паузы Николай Иванович поднялся и молча ушел в цех.

– Все будет хорошо! – сказала Лариса и, вильнув задом, упорхнула следом.

Все же я содрогнулся, представив, что сделали бы со мной

монастырниковы в 37-м году, попадись я к ним в лапы. И все только потому, что у меня своя точка зрения на строительство коммунизма в шестой части света.

Настенька нас ничем не огорчала – росла и нормально развивалась, хотя Тома переживала из-за несимметричности складок на ножках. Вспомнив, как тесть хватал Витю за ножки в таком возрасте и носил вниз головой по квартире, решил поэкспериментировать на дочери. Тома чуть в обморок не упала, а Настенька завизжала... но от восторга. И начинала повизгивать каждый раз при виде меня.

– Ну, папку дождалась, обезьянка, – ворчала Тамара.

Она пыталась найти в книгах что-нибудь о подобных гимнастических упражнениях.

– Вестибулярный аппарат укрепляется, – отстаивал я свою методику. – Лучшее упражнение для космонавтов. А еще мы будем заниматься с Настенькой по системе Станиславского. Согласна, дочь? Представь – сегодня у нас с тобой праздник. Мы всей душой испытываем радость. Нет, сначала благоговейный трепет, который постепенно переходит к тонусному состоянию, вызывающему смех... Ну, чего ты смотришь? – улыбнись и хохочи. Экая бестолочь – наверное, в бабушку. Вот смотри – я глажу себя по голове... мне приятно... мне весело... я хохочу. Ха-ха-ха....

Дочь, мотнув головой, тоже начинала ржать по-жеребачьи.

– И-и-и-хи-хи-хи....

– Она над тобой смеется, – улыбалась Тома.

– А, все равно... система Станиславского действует! Мы с дочерью умеем делать себя счастливыми – учись, мама!

Другой раз в семейном кругу.

– Хочешь, дочь, расскажу тебе, что происходит за этими стенами?

Настенька слабо улыбнулась, не понимая темы вопроса.

– За этими стенами живет много-много разных людей... и зверей... и птиц....

Я поднес ее к окну:

– Видишь? – мальчишки играют в футбол. А вон в той будке живет ничейный пес. Когда гулять пойдем мы ему вынесем куриную косточку. Он помашет хвостом и скажет: «Спасибо, Настенька». А когда комары начнут кусаться, он их лаем прогонит. Вон синичка на подоконник села....

Тома сидела на кровати, положив руки на колени. На этой неделе ей досталось – теща вернула свою привычку пить дома. Сегодня она ушла, я отдохнул и был полон сил, а жена выглядела такой уставшей и несчастной, что счел своим долгом ее ободрить.

– Ты приляг, отдохни – мы на кухню пойдем. Или лучше собери ее для прогулки – мы в коляске покатаемся.

Тома попыталась выжать из себя улыбку.

– Давай, погуляйте, – согласилась она. – Полчасика, но не больше.

Тома, наверное, уснула, а мы с Настенькой так увлеклись

прогулкой по белому свету, что не заметили, как два часа пролетели. И вот уже мама спешит нам навстречу:

– Ну, что же вы? Ребенка давно пора кормить. Ты чего же на папку-то не кричишь?

Вечером Настеньку искупав-накормив-усыпив, сели у телевизора в отсутствии тещи.

– Я поняла, почему наша дочь у тебя на руках меньше кричит.

– Потому что мы с ней – родственные души; нам интереснее вдвоем.

– Вовсе нет. Потому что ты – энергетический вампир. Ты лишаешь ее энергии.

Я напрягся:

– С чего ты взяла?

– По себе сужу. Когда с тобою сплю или этим делом занимаемся, то утром встаю вся разбитая – хоть на кладбище уноси.

– Ты внушаешь себе. И зря это делаешь.

– Абсолютно нет. Проверено опытом и временем. И то же самое с дочерью происходит.

– Что же нам делать?

Тома пожала плечами, а я был по-настоящему напуган этим дурацким подозрением.

– Давай не будем заниматься сексом. Давай не будем спать вместе...

– На полу будешь спать?

– В легкую! А с дочерью как же быть?

– Ну, пока ей твое присутствие на пользу. На детях ведь божья благодать – потому они такие все реактивные... и носятся, и калечится. Твой вампиризм успокаивает нашу дочь, и она, слава богу, неплохо чувствует себя и хорошо у тебя засыпает.

Черте что! Но так серьезно. На секс табу! Спать вместе нельзя. До первого синячка у Настеньки, и меня выгонят вон из этой квартиры.

– Ты что-нибудь сам ощущаешь в себе?

– Ага, десна чешутся – клыки растут. Пойду на улицу покурю.

– Ты же бросил.

– Пока только свои.

Стрельнув сигаретку у соседа, присел на лавочку подумать за жизнь.

Судя по всему, Тома действительно себя плохо чувствует – такое напряжение, такие нагрузки после родов... Возможно обострилось что-то внутреннее. Ну, а причина, как всегда, под боком – чего ее искать? Я бы на мать грешил, а она на меня... проще простого свалить на... постороннего. Увы, я так и не стал ей родным.

Ночью мне приснились пеликаны над гладью воды у Варадеро. Но как ни старался, проснувшись, припомнить черты лица Гали Худяковой – не смог.

Я еще не решил, как реагировать на подозрение Тома

о моем якобы энергетическом вампиризме. Спали мы вместе, любовью не занимались – и никогда более без ее инициативы! Я так решил окончательно. Хватит с меня неприятных сюрпризов.

Сейчас на работу. Там все обдумаю. Внутренне соберусь и... будем жить дальше. Хотя в будущем меня могут обвинить в чем-нибудь еще более мрачном и диком...

– С тобой все в порядке? – спросил кто-то из приятелей на автобусной остановке.

Я кивнул. Не говорить же, что я уже наполовину мертв. Нет меня – я вампир. Нет на свете ничего, ради чего бы стоило жить. Сейчас в автобус забьюсь, энергии пассажиров напьюсь – и вся радость жизни!

Короче, в перспективе у меня глубочайшая депрессия. Я это чувствовал.

На заводе, где раньше душа отдыхала, тоже теперь появилась засада – Монастырников с его парткомом проявляют ко мне настойчивый интерес. Мне не хочется иметь дело с истыми ленинцами – хватит, натерпелся от них. Я их ненавижу, этих деятелей. Ненавижу и... стал бояться.

К сожалению, еще не все...

Одному из учеников Бори Синицына стружкой от обтачиваемой детали рассекло щеку. Налицо вопиющее нарушение техники безопасности – над обрабатываемой деталью не был опущен защитный щиток. Я составил соответствующий акт, указал виновников – самого исполнителя, прошедшего ин-

структаж ТБ, и его наставника токаря-оператора. Подпись пострадавшего в журнале ТБ снимала с меня всякую ответственность. Так по закону. Но так не считал начальник отдела охраны труда подполковник в отставке Мостовой. Он вызвал меня к себе в кабинет и сказал:

– Я тебя тоже лишу квартальной премии за этот случай – лучше надо смотреть за рабочими.

– Этим вы нарушите КЗОТ (кодекс законов о труде), – говорю.

– Зато тебя воспитаю.

Мне стало понятно, чей заказ он выполняет.

– Я напишу докладную записку на имя Генерального директора, – сказал я.

И написал. Да так убедительно и удачно, что Осипов на ней резюмировал – приказ о лишении квартальной премии мастера Агаркова А. Е. отменить.

Мостовой на этом не успокоился.

Неделя не кончилась, вваливается в наш цеховой кабинет мастеров и тащит за шиворот того самого паренька, которому стружка стальная щеку поранила – пластырь еще на месте пореза.

– Где его мастер? – орет экс-подполковник.

– Я его мастер, – говорю.

– Ты вот здесь сидишь, а он там бежит между станками и стружкой в людей кидается.

– Зачем ты, – спрашиваю молодца, – меж станками бега-

ешь и стружкой кидаешься?

– Да врет он все! – у практиканта ПТУ никакого уважения к начальнику ООТ.

– Пиши объяснительную, – требует от меня Мостовой.

– Пишите вы докладную, а я на нее напишу объяснительную, которая будет звучать, как обвинительная, ибо факт не доказан – ваш голос, против его.

– Сейчас докажу, – Мостовой потащил паренька в цех.

Мы всей капеллой мастеров двинулись за ними.

Из двух токарей-универсалов, к которым начальник ООТ обратился, как свидетелям происшествия:

– один сказал, что ничего не видел;

– другой, что паренек не кидался, а стоял у станка, когда его сцапали.

За проходом вертикальностаночники дружно качали головами – не кидался, мол, не кидался. Мостовой, пообещав до меня добраться, плюнул в пол и ушел вон.

Монастырников прискребся:

– Зачем ты зубатишься с ним? Чего ты добиваешься?

– Хочу чтобы меня оставили в покое.

За доблестный труд на семейной ниве в конце июня был поощрен любимой женой увольнительной на футбольный матч. Просился зрителем, но под шумок сунул в спортивную сумку бутсы и плавки – возьмут, так сыграю, а форму на стадионе найду.

Нашел Шушукова, нашего тренера.

– Привет, Александр Петрович.

– Привет! Ты на игру?

– Если поставите.

– Играй.

– Формы нет.

– Найду.

И нашел. Я в раздевалку пошел.

Дружная команда футболистов «Луча» приветствовала старого игрока.

Слава Зырянов не без ехидства:

– Ну, как твоя семейная жизнь?

– Моя? – переспросил, но не потому, что не понял вопроса. Просто отношения у нас сложились не очень. После ухода из райкома я уже не донимал участкового звонками отправить тещу мою в ЛТП. – Жена моя – лучшая женщина в мире, но теща спуска не дает....

Слава хихикнул совсем по-мальчишески.

– А что это значит?

– Ты никогда не слышал этого выражения?

– Применительно к старой больной бабке? – нет.

– Она не пропускает ни одной мелочи, чтобы придраться ко мне и всегда оставляет последнее слово за собой. При этом пьет, паскуда, безбожно.

– А ты? Двинул бы ей разок между рог – пусть ходит жалуется.

– Когда-то и я считался крутым, как ты сейчас, но женщин пальцем не трогал.

– Значит, ты счастлив?

– Почему нет?

– Не похоже.

– А ты знаешь, что значит счастливым быть?

– Молодая красивая жена, хорошая работа, спорт, друзья...

– А как же строительство коммунизма? Разве оно не делает людей счастливыми само по себе?

– Только тех, кто на этой стройке хорошо зарабатывает.

– Вот как? У меня складывается впечатление, что Чепурной в РОВД запустил работу.

– Думаешь, он взятки не берет?

– Интересно, у кого менту взятки брать, если он не гайшник на дороге?

– А вот спроси Владимира Алексеевича, когда в гараже будешь пить.

– Увы, в райкомовское общество больше не вхож. А что касается формулы нашего счастья с Тamarой Борисовной, то она не особенно сложна. Главный секрет ее в том, чтобы каждый занимался своим делом – она с ребенком, я на работе. В последнее время приходится много работать, и я перестал на тренировки ходить, но работа мне нравится, а играть еще могу. Начало сезона пропустил, правда, но сегодня наверстаю.

– Мне тоже нравится моя работа.

– Это уже кое-что.

– Наверное.

– Работа, спорт и добрые друзья мужчине необходимы всегда.

– Чтобы быть счастливым? – да.

– А куда выезжали играть с начала сезона? – в моем голосе неожиданно прозвучали тоскливые нотки.

– Да порядком поездили – в Златоуст, Челябинск, Тимирязево, Еманжелинск – пол-области и столько же к нам.

– Ну, теперь, наверное, и я смогу, только без тренировок пока.

– Что-то мешает?

Я протяжно вздохнул, постучав бутсом в пол:

– Работаю в две смены – на недели никак не могу, только вот – в воскресенье.

– Ты шутишь!

– Ничего подобного. Первую смену, как мастер, вторую –

токарем у станка.

– Так какого хера ты на бочку полез? – сидел бы в райкоме да сидел.

Народ потянулся на поле размяться.

– Не я полез, на меня полезли. Пойдем, попинаем.

Попрыгал, побегал, разогрелся. Поиграли пульту без ворот – защита на нападение. Начали отрабатывать стандартные ситуации и удары. Не все получалось, но я ликовал – есть еще ягоды в ягодицах! Шушуков обещал заменить меня, если заметит, что сильно устал. Значит, силы экономить не буду – выложусь на все сто и на скамейку. Впрочем, как игра пойдет – иногда полтора часа бьешься и только после игры замечаешь, как ты сильно устал. Азарт – великая штука!

Шушуков подошел.

– Я вижу технику не забыл. Это просто здорово, Анатолий! Я очень рад за тебя.

– А я рад, что ты меня принял.

– Так ты же заявлен. А с тренировками как?

– Пока не могу.

– Понятно.

Когда появились соперники в синей форме, почувствовал, как ко мне возвращается знакомое ощущение внутренней пустоты. Но не легкости, нет – ноги вдруг стали неуклюжими, а бутсы тяжелыми. Так всегда бывало перед встречей с заведомо сильным противником. Команда «Урожай» из села Варна возглавляла турнирную таблицу третьей груп-

пы, ни одного матча не упускала – рвалась во вторую группу. Мы играли не раз и ни разу у них не выигрывали.

– Ну что, Анатолий, готов выйти на поле? – это Кужемратов, главный врач районной больницы и страстный болельщик.

– Готов, Юрий Утимисович, готов.

– Тогда со щитом или на щите!

– К черту! – и побежал к боковому флажку, где команды строились, а Шушуков давал последние наставления на игру.

– Анатолий, на свое место «чистильщиком». Славу близко к вратарской не подпускать – знаешь, у него срезки бывают.

Зырянов играет центрального защитника. Я тоже, но за его спиной.

– Впрочем, ребятки, не нервничать, не грубить, не пасовать – перед противником имею в виду, – терпеливо наставлял Шушуков. – Поиграйте свою игру. Покажите болельщикам, как вы любите футбол, и они вам простят поражение.

– Как он меня задолбал своими «ребятками», – проворчал за моей спиной Дима Гвоздик.

– Парни, нашатырки нюхнули все...

– Теперь оскалились и в бой....

– Слава, повязка, где?

– В руке.

– Надень...

Свисток судьи на поле.

– Ну, все, ребятки, пошли...

– Задолбал...

Двумя вереницами мы побежали к центральному кругу – одна команда к триумфу, другая к своим мучениям. Надо признать, красивая саржа, из которой нам пошили форму, очень плотна для игры на солнце – воздух не пропускает, и тело под ней обильно потеет. Впрочем, об этом уже забыто....

Варненцы сразу повели штурм наших ворот большими силами.

То, что я и предполагал – игра не будет физически тяжелой, но нервной очень.

На воротах у нас играл Толик Беденко и с ним приехал какой-то виртуоз мяча из Увельского совхоза. Похоже, он стал сюрпризом для наших гостей – маленький юркий, большой любитель индивидуальной игры. Он ломился к воротам через все преграды – его аккуратно валили до линии штрафной. Судья судил честно. И постепенно игра выровнялась. Беденко выбивал далеко и очень точно – всегда своему протеже. И тот крутился юлой в окружении трех-четырех соперников. В опасном одиночестве два других наших форварда – Слава Невзоров и Голован. Оба способные на дриблинг, на мощный и точный удар по воротам.

Заценив ситуацию, я подумал в радостном предвкушении – что-то будет. Сегодня мы можем надрать задницу хваленому «Урожаю». Похоже, это и был тот решительный прорыв, которого от «Луча» ждут болельщики с начала сезона.

Случайно увидел среди них Пашкова А. М. Надо же! и этот здесь – пришел полюбоваться на нашу игру. А ведь не сказать, что мы выглядим убого.

Если выиграем, я подумал, надо отправить Шушукова к Пашкову – пусть пробьет новую форму для команды: в этой совершенно невозможно играть.

– Ничего пока держимся? – это Слава Зырянов. – Я вперед пододвинусь, к полузащите.

Прежде, чем ответить я окинул поле внимательным взглядом – где засада?

– Успевай возвращаться, не мешкая.

Когда мяч от наших ворот выбили на угловой, подошел к Беденко.

– Где это чудо достал?

– Наш, деревенский.

– Незаурядно играет. А школа чья?

– Моя, – гордо ответил Анатолий.

Был подан хорошо закрученный угловой – точно на голову одному из нападающих. Беденко в немыслимом прыжке снял угрозу вместе с мячом.

Мое место было у штанги, и я только глазами мог провожать эти броски и удары.

Потом был прорыв по краю, и если бы Зырянову не прошло в голову занять мое место, я бы не рискнул броситься на его ликвидацию.

– Спасибо, вовремя подстраховал, – хлопнул я его по пле-

чу. – Если он меня обыграл, был бы выход один на один.

– Интуиция, брат.

– Слава Богу, все обошлось.

– Ты вовремя его нейтрализовал.

– На перехвате всегда легче играть.

Это произошло на тридцать пятой минуте – так записано в протоколе судьи. Зырянов опять провалился, а передо мной торчал высокий и тощий варненский центральный форвард. Мяч, посланный из глубины обороны, летел верхом к нему. Было три варианта:

– дать ему возможность мяч принять и не дать ему возможности меня обыграть;

– подтолкнуть его в спину во время приема, нарушая правила: был резон – пока до штрафного дело дойдет, народ вернется, а до ворот далеко, удар не опасным будет;

– сыграть на опережение.

Маневр был опасный – если он меня подтолкнет, а судья не заметит – выход один на один обеспечен. Раздумывать, взвешивая, было некогда, и я рискнул – выскочив из-за его спины, высоко выпрыгнул и отбил летящий мяч головой.

Он не толкнул меня в спину, он поступил гораздо подлее – очень грамотно с профессиональной точки зрения костолома. Он плечом подтолкнул мои ноги, а под тело поставил спину. Возвращаясь из заоблачных высот, я под углом врезался в землю, причем всей тяжестью на носок левой ноги. Раздался хруст, пронзила боль...

В следующий момент я на попе сидел и смотрел на свою стопу, которая была под прямым углом к нормальному положению. Вся моя жизнерадостность нафик пропала. Мне показалось, что на трибунах зло смеются надо мной.

Судья дунул в свой инструмент. Наши ребята подняли меня и отнесли за кромку поля – прямо в объятия Кужемратова.

– Вывих? Да, господа, сейчас исправим.

Он схватил мою стопу умелыми руками хирурга – снова раздался хруст, снова острая боль, и вот она уже смотрит туда, куда надо.

Подошла женщина в белом халате из дежурившей «скорой помощи».

– Заморозьте ему ногу, – приказал главный врач районной больницы.

Я снял бутс, гетр и носок. Голень распухла, стопа посинела.

Женщина попрыскала на них из баллончика – боль отступила.

Но не то что играть, даже встать на ногу я не мог.

– Его надо везти в травмпункт на рентген, – сказала она и помахала «скорой» рукой.

По беговой дорожке подошла «неотложка». Водитель наполовину извлек из будки носилки. Сочувствующие подняли меня, пронесли на руках и усадили на них. А уж лег я сам. Крупный мускулистый водитель с узким носом и тонкими

чертами лица аккуратно вкатил носилки в будку и закрепил.

Скорее всего, не просто водитель, а санитар – подумал я, – или даже медбрат.

В южноуральском травмпункте молодой травматолог встретил меня с улыбкой.

– Ух, ты! настоящий спортсмен.

– Тяжелый был матч? – спросил он, ощупывая мою ногу. – Теперь у тебя будут тяжелые дни: похоже на перелом. Вон костыли – топай на рентген.

Через несколько минут, вертя снимок так и сяк, проворчал:

– Ну-ка, давай еще раз.

Сам пошел со мной в рентген-кабинет, сам укладывал ногу в нужных ракурсах под экран излучателя вредных лучей. И, наконец, остался доволен:

– Вот она! Видишь? – вот на снимке эту царапину выкаблученную.

Я был расстроен и подавлен свалившейся на меня неудачей и, конечно, ничего не увидел.

– Ставлю диагноз, – сказал он торжественно. – При резкой и неудачной нагрузке на стопу она повернулась, вывихнув малоберцовую кость и сломав большеберцовую. Перелом весьма неудачный... Вот такой, – он показал костяшками пальцев. – Как английская дабл-ю. Кто-то очень удачно тебе вправил малоберцовую кость и сложил перелом большеберцовой без смещения. Скажи спасибо, осколков нет.

Перелом очень близок к суставу – нарост образующийся при его сращивании будет мешать при ходьбе. С футболом покончено и хромота на всю жизнь. Все – ставим шину и гипсуем.

Мне поставили шину – через пятку на обе стороны лодыжки. Замотали ногу в прогипсованный бинт. Когда разрешили, мы уехали и вернулись к окончанию матча – 0:2 не в нашу пользу. Ну что ж, годится – бывало и по десять мячей доставали из сетки.

Потом все заинтересованные лица собрались в тренерской для документального оформления моей трагедии. Но перед этим зашел ее виновник пожать мне руку:

– Извини, так получилось.

Судья составил протокол – все подписались, кому нужно.

Врач с «неотложки» напутствовала:

– В аптеке выпишешь костыли и притопаешь в поликлинику, если не на чем ехать – оформим больничный.

Еще вызвалась отвезти меня на «скорой» домой.

Зашел Беденко попрощаться.

– Жить будешь?

Я промолчал.

– Пашков подходил, матерился – какой-то деревне, мол, проиграли.

– Что он понимает в колбасных обрезках.... Тезка, заедешь по этому адресу – я сейчас напишу. Там жена ждет-волнуется, а я поеду к родителям – неизвестно как нога се-

бя поведет, когда кончится заморозка. Скажешь, что я изломался, и меня отвезли на свалку истории.

– Конечно, заеду!

– Спасибо, – мрачно поблагодарил, представляя, что ему скажет теща.

Меня высадили перед воротами, и домой я уже скакал на одной ноге.

Родители смотрели на меня и некоторое время оба молчали.

– Доигрался хрен на скрипке, – наконец оценил ситуацию отец.

Мама нахмурилась:

– Что Тома твоя скажет?

– Да выгонит – зачем ей калека сдался, – спрогнозировал отец.

– Конечно, – согласился я. – Вы примите?

– Куда же тебя девать? Чай не чужой.

Такие слова могли сказать и мама, и папа. Пусть будет хором.

Я постарался скрыть волнение благодарности.

– Что же, спасибо за приют.

Отец смерил меня пронизательным взглядом.

– А что на работе скажут? – спросил он внезапно.

– Почему ты думаешь, что они могут что-то сказать? – совершенно искренне удивился я.

Отец смачно прищелкнул языком:

– Я однажды по дороге на работу разбился – мотоцикл занесло, а они записали: бытовая травма и заплатили копейки по бюллетеню.

– У меня оформленный протокол, соревнования официальные на первенство области, судья сказал – стопроцентно оплаченный больничный лист.

Отец глубокомысленно кивнул.

– У вас есть анальгин?

– Может, выпьешь: кровь разгоняет, а кровь у тебя сейчас – главный строительный материал.

– Хуже не будет? А вдруг «скорую» придется вызывать для обезболивающего укола – воздержусь.

Приготовив таблеток пачку и квас для запивки, я улегся на диван разглядывать телевизор. Нога ныла противно, но нестерпимой боли еще не было.

– Тамара-то знает? – подсела мама.

– Должны передать.

– Как ты попал на футбол? – ведь говорил, что бросил ходить.

– Тома отпустила поболеть, а ребята уговорили поиграть. И вот в таком я дерьме оказался. Обидно.

– Живи пока здесь – там-то от тебя сколько проку?

Я проглотил таблетку на всякий случай, запил квасом из банки и ничего не сказал.

– Все-таки жалко твою работу в райкоме – на виду, в тепле – чего не сиделось?

Тут я по-отцовски прищелкнул языком:

– Там угождать надо, а не работать.

– Ну, угождал бы – вон Анатолий Михайлович уже второй секретарь. Лиза, теща его, не нахвалится.

– Что-что, а угождать Анатолий Михайлович умеет – далеко пойдет.

– Вот и брал бы пример.

Отец аж засопел – Анатолий Михайлович Агарков, второй секретарь Увельского райкома партии, мой двойной тезка и, кажется, родственник через жену – его кумир кумиров. А на кожевниковское: «Он только галстуки, сидя в президиуме, умеет красиво поправлять» сказал: «Галстуки тоже надо уметь поправлять», Непрошибаемо!

– Нет, райком – это сборище упырей. Вот газету действительно жалко. Мы недавно об этом с Пал Иванычем говорили. Зимой он заканчивает ВПШ, и его уже звали в обком партии. Если получится, обещал спротезировать меня региональным внештатником в газету «Челябинский рабочий».

Сказал и от радости предвкушения перехватило дыхание, но постарался справиться с собой. Главное, цель ясна – к черту АИЗ! мне надо вернуться в прессу. В стране назревает что-то – что-то весьма важное и... интересное.

– Опять напортачишь что-нибудь и тебя снова выгонят, – вздохнула мама.

– Выгонят, если в местную газету идти. Надо на более высокий уровень выходить – Челябинск, Москва. Вон посмот-

рите – как здорово «комсомолка» пишет. Разве ей не нужны борзописцы с мест? Вы бы знали, как местные деятели партии боятся Реутова Виталия Петровича, а у него просто два журналиста из газеты «Правда» чаю дома попили случайно – и такой эффект!

Когда-нибудь, пообещал себе, стану настоящим журналистом и займусь серьезными материалами. Я прекрасно понимал, что ниже областной газеты соваться некуда – Увельский райком следит за мной тщательно. Сейчас, когда у меня появилось временное окно, надо попробовать написать несколько очерков и репортажей для областных газет и центральных. Пусть даже не публикации, пусть только контакт – письмо ответное, для кого писать, о чем и как. Я ни грамма не сомневался, что способен на заказные материалы – то есть писать не то, что думаю, а за что платят. Теперь я уже не считал это моральным и психологическим падением. Подобный шаг не в моем характере, но презирать себя за него не буду. С другой стороны, я себе плохо представлял, какие ветры откуда дуют, и что будет со страной через ближайшие два-три года.

Поздно вечером, чувствуя, что боль так и не угнездилась в ноге, предложил отцу:

– А давай выпьем.

Когда накрыли журнальный столик перед диваном в виду телевизора, я попросил:

– Мы завтра сгоняем с тобой в аптеку за костылями?

– Сгоняем.

Мне хотелось поговорить с отцом – показать ему, что я сломан, но не сломлен, что АИЗ – это бомбоубежище; я поднимусь оттуда и начну сам херачить своих врагов: я не смирился.

Отец налил и предложил чокнуться:

– Надеюсь ты знаешь, чего хочешь и делаешь.

Выпили. Отец снова налил.

– Вот только с Тamarой я тебя не пойму – объясни.

– Попробую, если поймешь... Она все свои силы и половину жизни посвятила противостоянию с матерью – вернее держит ее за руку на краю пропасти. При этом сама остается слабой и уязвимой для внешних воздействий.

– Кой черт тебя заставил на ней жениться? Нравится? – ну, дружили бы без последствий.

– Теперь уже поздно причитать, но скажу... После измены Ольги Викторовны, после собственных походов мир изменился в моих глазах: все бабы, мне казалось, в нем..ляди! И вдруг Тамара Борисовна – такая чистая, непорочная и порядочная... Мне казалось, таких не бывает. Не устоял....

– Да, – согласился отец. – Есть ценности, которые не меняются.

– Какие, например? – я рад был переключить внимание со своей персоны.

– Верность, забота, взаимопонимание.

Я ничего не ответил, но подумал – а ведь отец оказался

прав. Сейчас поясню, о чем это я. По дороге домой из Челябинска с моей свадьбы в машине разгорелся спор между отцом и зятем. Отец молчал-молчал и вдруг выдал:

– Не-а, жить не будут.

Зять был выпившим:

– С чего ты решил?

– Ну, если ее отец прямо на свадьбе говорит о любовниках, то как с такой жить?

А дело вот в чем. Поздравляя молодых, мой тесть поднялся и сказал:

– Оля и Толя, желаю вам стать добрыми друзьями и нежными любовниками!

Отец расслышал лишь последнее слово и сделал вывод.

– Я хотел извиниться перед тобой, отец.

– За что?

– За то, что не сделал карьеру, на которую ты надеялся.

Отец покачал головой.

– Мы предполагаем, жизнь располагает.

– И я верю, что не все еще потеряно. Придет время, и всех пашковых метлой сметет в урну истории, а я еще поработаю для блага Родины в полную силу.

Отец усмехнулся:

– Сейчас это довольно сложно, но будем надеяться, что со временем все изменится.

– Вся страна на это надеется, – я улыбнулся и поднял рюмку. – Давай, пап, выпьем за перестройку!

– Давай! Чтобы Пашкова убрали, Анатолия Михайловича поставили, и он вернул тебя в райком.

Опять за рыбу деньги!

– Что касается меня – обратного пути у меня нет. А риве-дерче!

– Это ты сейчас на них сердишься, а пригласят – пойдешь.

– Нет. Я вообще ни на кого не сержусь – в том-то и беда. Проблема в том, что я проиграл. Но ведь жизнь – зебра; завтра я снова окажусь на коне, а они под его копытами....

Переведа дыхание:

– Фу... дед, кажется мы напились. Пойдем спать.

– Давай еще посидим – поллитра не осилили. Где это видно!

– Давай посидим, но тему сменим. Знаешь, иногда мне кажется, что я существую... как бы отдельно от себя самого. Такое возможно или у меня не все в порядке с психикой? У тебя такое бывает?

– Не знаю, я – это я, а ты такой заумный у нас...

Закончив застолье, мы вышли во двор..

Над головой бескрайнее небо, усыпанное яркими пятнами звезд и похожее на опрокинутую черную пиалу с розовыми краями. Где-то под ним же Тома и Настенька

Утром мы приехали к аптеке. Отец вошел и взял костыли напрокат. Подогнали их под мой рост. Я попробовал несколько шажков (прыжков?) ... и улыбнулся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.